

*Посвящается
Розалинде и Сьюзан,
первым двум критикам
этой книги*

Глава 1

Попутчица

Англия!

Англия после многолетней службы в чуждом мире! Сумеет ли он вновь приобщиться к ее жизни?

Спускаясь по сходням на пристань, Люк Фитцвильям задавался этим вопросом. Тот подсознательно крутился у него в голове во время прохождения таможенного досмотра — и внезапно озадачил, когда Люк, в итоге сойдя с парохода, сел в поезд, следующий из порта в столицу.

Одно дело — провести в Англии отпуск. Полно денег (по крайней мере, поначалу) для разгульной жизни, общение со старыми друзьями, встречи с такими же отпускниками в легкомысленной атмосфере и досужие беззаботные мысли: «Ладно уж, праздники не продлятся долго... Надо же иногда и жизнью насладиться! Скоро ведь опять придется возвращаться на службу...»

Но теперь вопрос возвращения отпал. Не будет больше знойных и душных ночей, ослепительного солнца и буйной красоты тропической природы; больше никаких одиноких вечеров, проведенных за чтением и перечитыванием старых номеров «Таймс».

Теперь, выйдя на заслуженную пенсию и скопив приличное состояние, он возвращается в Англию свободным уважаемым джентльменом. А что, собственно, он будет делать тут со своей свободой?

Англия! Июньская Англия под серым небом, продуваемая резким пронизывающим ветром... Ничего не скажешь, «радушный прием»! Да и сами англичане... Силы небесные, сколько же их! Толпы, и лица у всех такие же серые, как небеса, — встревоженные, озабоченные люди. И дома их, растущие повсюду, точно грибы... Грязные домишки! Отвратительные домишки. Все пригороды, казалось, застроены исключительно претенциозными курятниками!

Люк Фитцвильям с трудом отвел глаза от мелькавшего за окнами поезда пейзажа и сосредоточился на просмотре только что купленных газет: свежих номеров «Таймс», «Дейли клэрион» и «Панч».

Он начал с «Дейли клэрион». Там подробно описывались события на скачках в Эпсоме¹.

«Какая жалость, — подумал Люк, — что мы не прибыли на день раньше. С девятнадцати лет я не видел королевских скачек».

Его внимание привлекла кличка одной лошади Жокей-клуба², и он посмотрел, как оценивает ее шансы обозреватель скачек «Клэриона». Но обнаружил лишь, что ее не сочли даже достойной упомина-

¹ Эпсомские скачки — популярные ежегодные скачки в г. Эпсом, проводящиеся там с 1780 г.

² Жокей-клуб был основан в Англии для разведения и селекции чистокровных лошадей, объединив как отдельные организации, так и частных владельцев лошадей.

ния. «Среди прочих, — писал обозреватель, — вряд ли смогут претендовать на призовое место Джуджуби Вторая, Маркс Майл, Сантони и Джерри-бой. Наиболее вероятным аутсайдером...»

Но Люка решительно не интересовал вероятный аутсайдер. Его взгляд переместился на сделанные ставки. Шансы Джуджуби Второй составляли скромненькие 40 к 1.

Люк глянул на часы. Без четверти четыре. «Все равно, — подумал он, — уже поздно». Жаль, что не успел поставить на Клэриголд, ведь та считалась вторым фаворитом...

Отложив «Клэрион», Люк развернул «Таймс» и углубился в более серьезные темы. Ненадолго, однако, поскольку оживленного вида полковника, сидевшего в углу напротив, так разъярило прочитанное, что он невольно выплеснул свое негодование на соседа. Битые полчаса вояка без усталости на разные лады поносил «этих проклятых коммунистических горлопанов».

Теперь же полковник наконец угомонился и задремал, забыв даже закрыть рот. Вскоре поезд замедлил ход и остановился. Люк выглянул в окно. Они прибыли на безлюдную узловую станцию с многочисленными перронами. Чуть дальше на платформе Фитцвильям заметил книжный киоск с зазывным объявлением: «Результаты дерби». Открыв дверь вагона, Люк выскочил на перрон и побежал к этому киоску. Через мгновение он уже с широкой усмешкой разглядывал первые, с едва просохшей типографской краской строчки последних известий:

*Результаты дерби
Джуджуби Вторая
Мазена
Клэриголд*

Люк довольно ухмыльнулся. Сотни фунтов на ветер! Победила славная старушка Джуджуби Вторая, так презрительно обойденная всеми этими хитроумными «жучками», как издавна прозвали информаторов на скачках.

Все еще усмехаясь, он сложил газету и, обернувшись... увидел пустой перрон. Взволнованный победой Джуджуби Второй, Люк не заметил, как его поезд укатил со станции.

— Когда, черт побери, успел уехать этот поезд? — спросил он угрюмого носильщика.

— Какой поезд? — удивился последний. — С трех четырнадцати здесь не останавливалось никаких поездов.

— Да только что останавливался поезд! Я сошел с него. Экспресс из порта.

— Портовый экспресс не останавливается нигде до самого Лондона, — строго ответил носильщик.

— Но ведь остановился же, — уверенно заявил Люк. — Я только что вышел из него.

— Не останавливается нигде до самого Лондона, — невозмутимо повторил носильщик.

— Да говорю же вам, он остановился на этой самой платформе, и я вышел из него!

Учитывая факты, носильщик изменил свои доводы.

— Вам не следовало выходить, — осуждающе произнес он. — Экспресс тут не делает остановки.

— Но остановился же.

— Просто притормозил перед семафором, только и всего. Ждал зеленого света. А это вовсе не то, что называется «остановкой».

— Я не такой знаток тонких железнодорожных понятий, как вы, — признал Люк. — Вопрос теперь в том, что мне делать дальше?

— Вам не следовало выходить тут, — укоризненно повторил носильщик, явно не отличавшийся особой сообразительностью.

— Это уже понятно, — согласился Люк. — Ошибка сделана, непоправимая... и как бы горько мы ни рыдали, прошлое нам не вернуть. «Молвил Ворон: “Никогда”...»¹. Не в силах я вычеркнуть скорбные строки своей судьбы... ну и так далее². И теперь я лишь пытаюсь узнать, что вы, человек, сведущий в делах этой железнодорожной компании, посоветуете мне делать?

— Так вы спрашиваете, что вам лучше сделать?

— Вот именно! — возрадовался понятливости

¹ Цитата из стихотворения Э.А. По «Ворон», пер. Д. Мережковского.

² Имеется в виду 349-е четверостишие из «Рубайты», приписываемой О. Хайяму:

Если б я властелином судьбы своей стал,
Я бы всю ее заново перелистал
И, безжалостно вычеркнув скорбные строки,
Головою от радости небо достал!

(Пер. Г. Плесецкого)

собеседника Люк. — Ведь есть же, смею предположить, поезда, которые законно делают остановки на этой станции?

— Законно... есть, — откликнулся носильщик. — Лучше всего вам сесть на тот, что останавливается у нас в четыре двадцать пять.

— Если он следует до Лондона, — заметил Люк, — то меня этот поезд действительно устроит.

Удовлетворившись данными сведениями, Фитцвильям начал прогуливаться по платформе. Большой информационный щит поведал ему, что он оказался на пересадочной станции Фенни-Клейтон, куда прибывали также поезда из Уичвуд-андер-Эш. Через некоторое время поезд, состоявший из одного вагона, подталкиваемый сзади допотопным паровозом, выбрасывающим клубы пара, медленно подкатил к одному из коротких перронов и скромно замер. Человек шесть или семь, выйдя из вагона, перешли по раскинувшемуся над путями мосту и присоединились к Люку на платформе. Угрюмый носильщик вдруг оживился и начал толкать вдоль перрона тележку, нагруженную ящиками и корзинами, а вскоре к нему присоединился и второй носильщик, грохоча молочными бидонами. Жизнь на станции Фенни-Клейтон заметно оживилась.

Наконец с безмерной важностью прибыл лондонский поезд. Вагоны третьего класса были битком забиты народом, а первый класс обеспечивали всего три вагона, и в каждом сидело по одному или по паре пассажиров. Люк решил критически оценить каждое купе. В первом — «для курящих» — попы-

хивал сигарой господин с военной выправкой. Люк подумал, что на сегодня ему хватило общения с англо-индийскими полковниками. Достигнув следующего купе, он заметил там претенциозную молодую особу, вероятно, гувернантку, и весьма активного мальчика лет трех от роду. Люк быстро прошел дальше. Дверь следующего купе уже открыли; там сидела всего одна пассажирка, пожилая дама. Она напомнила Люку одну из его тетушек, а именно тетушку Милдред, которая когда-то отважно разрешала ему, десятилетнему племяннику, держать ужа. Тетушка Милдред бесспорно относилась к славным и добрым старушкам. Войдя в купе, Люк спокойно занял свободное место.

После пяти минут бурной деятельности, связанной с погрузкой молочных бидонов и разнообразных ящиков, и прочей деловитой дорожной суеты поезд медленно отъехал от станции. Люк развернул газету и приступил к поиску мелких новостей, которые могли заинтересовать человека, уже ознакомившегося мельком с материалами утренней газеты.

Он не надеялся на продолжительное чтение. Имея многочисленных тетушек, Люк практически не сомневался, что милая пожилая дама, расположившаяся у окна напротив него, не собирается хранить молчание до самого Лондона. И он не ошибся — вскоре понадобилось приоткрыть окно, потом поднять упавший зонтик, — и между словами благодарности пожилая попутчица поделилась с ним своим мнением относительно удобства этого поезда:

— И ведь идет всего час и десять минут. Просто

отлично, знаете ли, право, отлично. Гораздо удобнее утреннего — тот тащится на полчаса дольше... Разумеется, почти все предпочитают ехать утром, — вздохнув, продолжила она. — Это и понятно: если есть возможность проехать подешевле, то глупо ждать более дорогого дневного поезда. Я и сама хотела ехать утром, но сбежал Пушок... это мой кот, перс, настоящий красавец; правда, недавно у него заболело ушко... и разумеется, я не могла уйти из дома, пока он не нашелся!

— Разумеется, не могли, — пробурчал Люк и вновь с нарочитой озабоченностью уставился в газету.

Но тщетно — словесный поток продолжал немолчно журчать.

— В общем, я стойко перенесла эту неприятность и отправилась на дневной поезд, что, разумеется, с одной стороны, даже лучше, поскольку он не такой многолюдный... хотя это не имеет никакого значения, если путешествовать первым классом. Разумеется, обычно я не покупаю такие билеты. То есть мне следовало быть менее *расточительной*, учитывая растущие налоги и убывающие дивиденды, более чем нескромное жалование прислуге и прочие расходы... Но, право, я так расстроилась, видите ли, собравшись съездить по крайне важному делу... и мне ведь еще хотелось хорошенько обдумать, что я скажу... просто спокойно обдумать, понимаете... — Люк подавил улыбку. — К тому же, когда вокруг много попутчиков... впрочем, не стоит настраивать себя враждебно... словом, я решила, что хоть разок

такая трата вполне *позволительна*... хотя, по-моему, нынче все так много тратят... никто не экономит, никто не задумывается о будущем. Кое-кто даже сожалеет, что отменили вагоны второго класса... они, конечно, мало чем отличались... Разумеется, — быстро прибавила пожилая дама, бросив беглый взгляд на загорелое лицо Люка, — я понимаю, что военные в отпуске просто должны путешествовать первым классом. Понятно, ведь от молодых офицеров как раз и ждут подобного щегольства...

Люк выдержал любопытный взгляд пары сообразительных блестящих глаз. И сразу капитулировал. Все именно к этому и шло, понял он в итоге.

— Я не служу в армии, — признался Фитцвильям.

— О, простите. Я не имела в виду... просто подумала... вы такой загорелый... вероятно, вернулись на родину в отпуск с Востока.

— Верно, я возвращаюсь с Востока, — подтвердил Люк, — но не в отпуск. — И исключил дальнейшие домыслы прямым заявлением: — Я служил в полиции.

— В полиции? Неужели? Как интересно! У меня есть одна близкая подруга... так вот, ее сын совсем недавно отправился служить в полицию Палестины.

— Мне довелось служить в Майянг-Стрейтс, — пояснил Люк, вновь предваряя возможный вопрос.

— О, боже... как интересно. Право, это уникальное совпадение... то есть то, что вы тоже сели в этот вагон. Поскольку, видите ли, дело, по которому я

собралась в город... в общем, на самом деле я еду в Скотленд-Ярд.

— Надо же? — удивился Люк, подумав про себя: «Интересно, быстро ли иссякнет ее словоохотливость, или она будет болтать до самого Лондона?»

Но на самом деле это мало волновало его, поскольку он очень любил свою тетушку Милдред и, кстати, вспомнил, как однажды она очень вовремя ссудила ему пять фунтов. Кроме того, от пожилых дам, подобных его попутчице и тетушке Милдред, веяло родным и славным английским уютом. В Майянг-Стрейтс их попросту не встретишь. Зато их облик отлично ассоциировался с роскошным рождественским пудингом, с жизнерадостным деревенским крикетом и с уютно потрескивающими в камине дровами. Живя на чужбине, на другом краю земли, вы начинаете очень ценить такие вещи. (Впрочем, если привычного уюта слишком много, то он так же быстро наскучивает, но ведь Люк, как уже говорилось, вернулся в Англию всего лишь три или четыре часа тому назад.)

— Да, я как раз и собиралась туда нынче утром, — воодушевленно продолжила пожилая дама, — а потом, как я говорила вам, расстроилась из-за своего Пушка... Но, может, вы полагаете, что будет слишком поздно? Я имею в виду, принимают ли в Скотленд-Ярде целый день, или только в какие-то специальные часы?

— Не думаю, что они закрываются в четыре часа или тому подобное время, — заметил Люк.

— Нет, безусловно, не могут же они так рано

закрыться? То есть кому-то ведь в любую минуту может понадобиться сообщить о тяжком преступлении, верно?

— Верно, верно, — согласился Люк.

Пожилая леди задумчиво помолчала. Она выглядела встревоженной.

— По-моему, всегда лучше сразу обращаться непосредственно в главное управление, — заявила наконец старушка. — Джон Рид — весьма приятный парень... он служит констеблем у нас в Уичвуде — на редкость вежливый и воспитанный... но я не уверена, понимаете, что ему по силам справиться с серьезным расследованием. Обычно он разбирается лишь с подвыпившими дебоширами да нарушителями, превысившими скорость или забывшими включить фары... или с владельцами собак, поленившимися оформить регистрационное свидетельство; вероятно, ему по зубам даже кража со взломом. Но я не думаю... я даже вполне уверена, что он не тот, кто сумеет расследовать *убийства*!

Люк вскинул брови.

— Убийства?

Старушка решительно кивнула.

— Именно, убийства. Вы удивлены, как я вижу. Я и сама поначалу никак не могла поверить этому. Думала, что у меня, должно быть, просто разыгралось воображение.

— А вы уверены, что не разыгралось? — мягко спросил Люк.

— О нет, — она с убежденностью покачала головой. — Воображение могло подвести меня в первый